

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СУБСТРАТА НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА**

1. ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что современная Россия – страна со сложнейшей геополитической историей. Огромная ее часть, считающаяся ныне русской, в древности была заселена народами, которые генетически очень далеко отстоят и от восточных славян, и вообще от индоевропейцев.

Одно из первых упоминаний о теснейшем соседстве русичей с «чужими» народами содержится в «Повести временных лет» – самой ранней древнерусской летописи:

На Бѣлѣозерѣ сѣдять Вѣсь а на Ростовскомъ озерѣ Меря а на Клещинѣ озерѣ Мѣра же. а по Щцѣ рецѣ где потече в Волгу же Мурома ѡзыкъ свои и Черемиси свои ѡзыкъ. Морѣдва свой ѡзыкъ. се во токмо Словѣнескъ ѡзыкъ въ Русѣ. Поляне. Древлане. Новгородци. Полочане. Дреговичи. Сѣверѣ Бужане зане сѣдоша по Бугу послѣже Вельянане. а се сѣуть инни ѡзыци иже дають дань Русѣ. Чюдѣ. Меря. Вѣсь. Мурома. Черемисѣ. Морѣдва. Пермь. Печера. Ямь. Литва. Зимигола. Корсь. Нарова. Ливь. си сѣуть свой ѡзыкъ.»¹ [ПВЛ]

Из названных в этом летописном отрывке 14 народов – соседей и «даников» восточных славян – абсолютное большинство составляют финно-угорские народы, причем их перечень, фиксируемый «Повестью вре-

* Уральский федеральный университет (Ural Federal University), пр. Ленина, 51, 620083 Екатеринбург, Россия; nadia.nvlad2010@yandex.ru

** Работа выполнена в рамках реализации программы конкурентоспособности УрФУ (2013–2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)».

1 В современном переводе: «На Белом озере живет весь, на Ростовском озере меря, на Клещине озере тоже меря. А по реке Оке, там, где она впадает в Волгу, живет мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, и мордва, говорящие на своих языках. Вот лишь кто славяне на Руси: поляне, древлане, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что жили по Бугу, а затем прозванные вольнянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы. Эти говорят на своих языках».

менных лет», далеко не полон. Более поздние летописные и иные источники называют в числе соседей русского населения такие финно-угорские народы, как *водь* (= совр.), *вогулы* (совр. *манси*), *вотяки* (совр. *удмурты*), *ижера* (совр. *ижорцы*), *зыряне* (совр. *коми*), *корела* (совр. *карелы*), *лопь* (совр. *саамы*), *остяки* (совр. *ханты*).²

Тем самым неудивительно, что на очень значительной территории современной России – в виде языковых и иных памятников – запечатлено древнее наследие целого ряда финно-угорских народов.

К сожалению, в рамках небольшой статьи невозможно осветить все проблемы, связанные с изучением этого богатейшего наследия. Поэтому мы представим вниманию читателя лишь небольшой «фрагмент», связанный с исследованием финно-угорского топонимического субстрата Русского Севера – территории, включающей ныне Архангельскую и Вологодскую области России. Изначально эта территория, на которой могли бы разместиться, например, две таких европейских страны, как Германия, была заселена различными финно-угорскими племенами, однако в течение последнего тысячелетия она полностью «обрусела», сохранив при этом мощный финно-угорский субстрат – в топонимии и диалектной лексике, а также, разумеется, в «неязыковых» сферах культуры.

Для историко-лингвистических исследований, связанных с Русским Севером, финно-угорский языковой субстрат особенно ценен в двух отношениях. Во-первых, он позволяет реконструировать древнюю «дорусскую» этническую карту очень значительной части России и – шире – Восточной Европы. Важнейшая роль в этой реконструкции принадлежит именно топонимии, поскольку она, в отличие от легко мигрирующей лексики, «прикреплена» к местности и позволяет более точно очерчивать границы былого расселения тех или иных народов. Во-вторых, огромное и разноязычное древнее финно-угорское наследие, хорошо сохранившееся на Русском Севере, в значительной мере может способствовать решению генеалогических проблем, связанных с семьей финно-угорских языков.

Соответственно, в данной статье наша задача – осветить уже имеющиеся результаты исследований субстратной топонимии Русского Севера, охарактеризовать их методику, обозначить наиболее существенные проблемы и видимые перспективы.

2 Кроме того, исторические документы отражают названия древних финно-угорских сообществ, дифференцированные по тому или иному признаку: *заволочская чудь*, *лопь дикая*, *сура поганая*, *тоймичи поганые*, *чудь белоглазая* и т. п.

2. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СУБСТРАТА РУССКОГО СЕВЕРА

Не будет преувеличением сказать, что задолго до рождения топонимистики как науки понимание глубокой связи между топонимией и древней историей было свойственно многим образованным гражданам России. Поэтому, если говорить точно, первый опыт осмысления культурно-исторической значимости топонимического субстрата, в том числе и севернорусского, принадлежит не профессиональным лингвистам, а краеведам и путешественникам. Так, еще в 1790 г. один из первых русских краеведов, житель Архангельска В. В. Крестинин писал: «Знать язык, из которого извлечены и присвоены в российский язык имена наших селений, рек и урочищ, необходимо, ибо сим способом открывается нам тот самый древний народ, который занимал нашу землю прежде славян» [Крестинин, 1790, 2]. С этим же пониманием, следуя «чувству истории», российские путешественники, оказываясь на Русском Севере, отводили в своих путевых журналах специальные страницы для записи «местных» географических названий, нередко сопровождая эти записи собственными этимологическими догадками. В то же время, конечно, эти первые попытки толкования финно-угорских субстратных топонимов, относящиеся к концу XVIII – началу XIX в., были не только весьма разрозненными, но и, как правило, в лингвистическом отношении «случайными» и наивными.

В течение XIX в. подступы к научному осмыслению финно-угорского топонимического субстрата Русского Севера формировались благодаря исследованиям И. Шёгрена [Sjögren, 1861], М. Кастрена [Castrén, 1862], Д. Европеуса [1868; 1874]. В их работах, прежде всего, получил начальное развитие принцип системности, столь необходимый при анализе топонимического материала. Это проявилось в привлечении к исследованиям весьма большого числа субстратных топонимов (до нескольких сотен), выявлении целого ряда частотных топооснов, детерминантов и формантов, схожих структурных топонимических типов. Вместе с тем этноязыковая и этноисторическая квалификация этих данных оставалась в работах исследователей XIX в. достаточно слабой. Этот же «минус» характерен и для исследований 1-й половины XX в., хотя их наиболее известные авторы – М. Фасмер [Vasmer, 1934; 1935; 1936; 1941] и Я. Калима [Kalima, 1919; 1935; 1944; 1946] – внесли в изучение российской топонимии и лексики финно-угорского происхождения очень весомый вклад. В частности, именно их усилиями были заложены многие важнейшие основы «профессиональной» этимологизации субстратных географических названий: строгий учет внутриязыковых исторических закономерностей, учет закономерностей звуковой и иной адаптации финно-угорских топонимов при их русском усвоении, картографирование показательных топонимических компонентов.

Новый акцент исследования севернорусского (и – шире – восточноевропейского) топонимического субстрата получили в работах А. И. Попова (1899–1973), который, будучи по специальности историком, являлся при этом настоящим энтузиастом изучения топонимии: как он считал, именно географические названия

служат порой едва ли не единственным источником реконструкции «белых пятен» этнической истории. А. И. Попов был глубоко убежден в том, что качественный анализ топонимии должен начинаться с ее качественного сбора, поэтому он особо подчеркивал важность привлечения к исследованиям не только современных материалов, но и многочисленных письменных памятников древнерусской эпохи: летописей, переписных книг, грамот и т. п. [Попов, 1947; 1965; и др.]. Кроме того, А. И. Поповым [1948] были даны первые «опытные» образцы микро-региональных исследований, которые в дальнейшем (см. раздел 3) стали одним из перспективных типов историко-топонимических работ.³

3. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ. РАБОТА УРАЛЬСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Под непосредственным влиянием исследований А. И. Попова начинал свою деятельность основатель самой крупной в России топонимической школы А. К. Матвеев (1926–2010).⁴ Организованное им в 1960-е годы и доныне существующее научное сообщество, базирующееся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета,⁵ имеет широкое признание и известно в научном мире как *уральская топонимическая школа*, *школа Матвеева*, а в последние годы – ввиду расширения проблематики – и как *уральская ономастическая школа*.⁶ Исторически сложилось так, что основным исследовательским «полигоном» школы, ее своеобразной «творческой лабораторией» стал именно Русский Север.

3 Более подробно об истории изучения топонимии Русского Севера см.: [Матвеев, 2001, 13–47].

4 Разумеется, в формировании научных интересов и научных позиций А. К. Матвеева сказались опыт очень многих предшественников. Кроме исследователей, названных в разделе 2, это Г. Шухардт, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, представители итальянской школы ареальной лингвистики и др., однако именно А. И. Попов стал для А. К. Матвеева главным «вдохновителем» почти полувековых топонимических «штудий» и неутомимой организаторской деятельности по сбору топонимии.

5 Уральский государственный университет, с 2011 г. – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, до сентября 1991 г. – Свердловск).

6 Этому во многом способствовали исследования «прямых» учеников А. К. Матвеева, а также учеников нынешнего (уже третьего) поколения школы, в работах которых – в различной степени и под различными углами зрения – анализ традиционного топонимического материала сочетается с анализом фактов других ономастических систем: этнонимии [Попова, 1999], антропонимии [Алабутина, 1989; Кабинина, 2012], коллективных прозвищ [Воронцова, 2002; 2011], астрономии [Рут, 1990; 2010], хронимии [Атрошенко, 2012; Атрошенко, Кривошапова, Осипова, 2015], прагмонимии [Горяев, 1999] и др. Эта широкая ономастическая проблематика обсуждается на регулярно проводимых школой международных конференциях, а также в журнале «Вопросы ономастики», основанном в 2004 г. по инициативе А. К. Матвеева.

Научно-методические принципы школы формировались и проходили проверку в первую очередь в трудах самого А. К. Матвеева, которому принадлежит более 200 работ по топонимии,⁷ а затем и в работах его многочисленных учеников. За более чем полувековую деятельность уральской топонимической школы ее исследования охватили колоссальную территорию России, включающую, кроме Русского Севера, также Пермскую область, Урал, частично Сибирь и ряд центральных российских регионов, в которых сохранился финно-угорский топонимический субстрат.

К настоящему времени методика школы разработана столь многосторонне, что ей может быть посвящена отдельная монография. В данной статье мы опишем эту методику сжато, назвав ряд ее принципиальных «позиций». Первые три из них касаются сбора материала, остальные – его анализа и интерпретации.

1) Максимально полный и качественный сбор топонимического материала.

В практике школы это, во-первых, означает, что ее исследования основываются на максимально широком круге топонимических источников – как современных (карты, справочники, путеводители и т. д.), так и исторических (летописи, писцовые книги, грамоты, разнообразные архивные документы). Во-вторых, полнота материала обеспечивается дюжей уже более 50 лет работой Топонимической экспедиции, которая, ежегодно выезжая в тот или иной район Русского Севера и опрашивая местное население, проводит сплошной полевой сбор топонимов.⁸ Огромную значимость этой экспедиционной работы вряд ли приходится доказывать, т. к. только в условиях сплошного полевого сбора возможно зафиксировать названия, которые в силу своего сугубо «местного» значения не отражены на картах и в других источниках.

2) Строгая паспортизация топонимического материала.

Эта методическая позиция уральской школы нацелена в первую очередь на то, чтобы исследователь располагал максимально точными сведениями о самих топонимах, а также владел иной информацией, необходимой при анализе. Для отражения этих данных каждый топоним фиксируется на отдельной карточке и – с элементами формализации – сопровождается рядом необходимых записей: фонетико-морфологические и семантические варианты (если есть), вид называемого объекта, географическая «привязка» (область, район, ближайший населенный пункт или водоем), фамилия сообщившего название информанта, год записи топонима. По возможности на карточке отражается и другая значимая информация: микросистемные связи топонима (они отражаются описательно и/или с помощью схематичных рисунков), количество его фиксаций, связанные с топонимом сооб-

7 Полная библиография трудов А. К. Матвеева опубликована в журнале «Вопросы ономастики» [2012, № 1 (12), с. 164–183].

8 Более подробно с историей и деятельностью Топонимической экспедиции Уральского университета можно познакомиться в книге «Вброд через реку времени» (Екатеринбург, 2011), изданной к 50-летию экспедиции.

щения местных жителей (предания, характеристика места, «народные» объяснения названия и т. п.).

В условиях полевого сбора сведения о каждом топониме обязательно уточняются у нескольких информантов, что получает отражение в виде ряда дублирующих и дополняющих друг друга карточек, снабженных взаимными отсылками.

3) Строгая систематизация всех имеющихся данных.

Эта необходимая для длительных и серьезных исследований основа создается в рамках уральской школы за счет непрерывной деятельности Топонимической лаборатории – особого подразделения, организованного в 1970-е годы по инициативе А. К. Матвеева. Благодаря многолетним усилиям сотрудников лаборатории, весь громадный топонимический материал, которым располагает школа и который постоянно пополняется (на сегодняшний день – более 1 000 000 единиц хранения), систематизирован в виде нескольких картотек. Субстратный финно-угорский материал при этом отграничен от исконно русского и систематизирован, во-первых, по топоосновам, а во-вторых, по финальным компонентам топонимов, для чего служит специальная картотека, поставленная по принципу «обратного алфавита». Она необходима потому, что в топонимии финно-угорского происхождения финальные компоненты, обычно представляющие собой географический термин или топонимический суффикс, проявляют очень высокую регулярность – тем самым «обратный алфавит» позволяет исследователю точнее видеть строение топонима (и целых классов топонимов) и, соответственно, надежнее интерпретировать те или иные субстратные географические названия. Отдельную картотеку составляют севернорусские топонимы, зафиксированные в «неэкспедиционных» источниках: письменных памятниках древнерусской эпохи и документах XVIII–XX вв., включающих карты, географо-статистические материалы, записи краеведов и путешественников, списки угодий колхозов, совхозов, лесничеств, и др.

В течение последнего десятилетия картотеки, которыми располагает уральская школа, переводятся сотрудниками лаборатории в формат электронной базы данных, что, безусловно, расширяет возможности интеграции усилий топонимистов, работающих в области изучения субстратной топонимии финно-угорского происхождения.

4) Соотнесение данных топонимии и диалектной лексики.

Необходимость этой позиции, которой строго следует уральская школа, обусловлена теснейшими связями между субстратной топонимией и субстратной диалектной лексикой, особенно – географической терминологией. Для того чтобы исследователь топонимии мог видеть и использовать эти связи, уральской школой ведется длительная работа по сбору севернорусской диалектной лексики. Этот сбор осуществляется главным образом в условиях экспедиции: ее участники, наряду с топонимами, обязательно – по специально разработанной методике – записывают «местную» лексику, которая затем организуется в виде отдельной алфавитной картотеки, насчитывающей ныне более 800 000 единиц хранения. Со временем эта работа превратилась в одно из самостоятельных направлений

деятельности школы, что позволило подготовить такое крупное лексикографическое издание, как многотомный «Словарь говоров Русского Севера». На стадии подготовки к изданию находится также лексикографическая работа О. А. Теуш, посвященная засвидетельствованной на Русском Севере исконно русской и субстратной географической терминологии.

5) Особое внимание к этнонимическим названиям.

Географические названия, образованные от этнонимов, далеко не всегда являются субстратными, однако на доэтимологическом этапе исследования они представляют собой значимые «ориентиры» научного поиска и в целом играют немалую роль в реконструкции древней картины расселения народов. Это обусловлено тем, что этнонимические топонимы возникают, как правило, на границах этнических зон – там, где для того или иного народа кончается «своя» земля и начинается «чужая». Поэтому в любом исследовании уральской школы таким топонимам уделяется особое внимание.

6) Выявление и анализ высокочастотных топонимических компонентов.

Эта составляющая методики школы обусловлена тем, что в любом языке на топонимический уровень проникает лишь определенная – относительно небольшая – часть лексики, равно как и ограниченное число словообразовательных элементов. При этом у каждого народа обычно имеются традиционно устоявшиеся, высокопопулярные топоосновы и форманты. Поэтому высокая частотность идентичных топонимических компонентов позволяет устанавливать своеобразные «центры» и ареалы, соответствующие местам древнего расселения тех или иных народов. Разумеется, при таком подходе определение подобных ареалов до некоторой степени гипотетично, что, с одной стороны, обусловлено близостью лексики родственных субстратных языков, а с другой стороны – явлениями межъязыковой омонимии.

7) Выявление этнодифференцирующих топонимических компонентов.

Эта позиция школы является одной из самых важных, поскольку она самым непосредственным образом связана с задачей реконструкции древней лингвоэтнической карты Русского Севера. Опыт уральской школы свидетельствует о том, что, несмотря на трудности, обусловленные близостью древней лексики субстратных финно-угорских языков, выявление некоторого корпуса этнодифференцирующих топонимических компонентов вполне возможно – по крайней мере для периода, соотносимого с последним тысячелетием, когда в субстратных финно-угорских наречиях Русского Севера уже обозначились фонетические и иные признаки обособления.

8) Картографирование этнодифференцирующих топонимических компонентов.

Лингвистические карты – обязательная часть любого исследования уральской школы, посвященного топонимическому субстрату. При этом в «творческой лаборатории» исследователя картографированию могут подвергаться самые разные языковые явления, однако в итоговой аргументации наиболее значимыми оказываются карты, на которых представлены выявленные в ходе исследования этно-

дифференцирующие топонимические компоненты: основы, детерминанты, форманты. Поскольку таких карт бывает достаточно много, в выводах исследования они – с соответствующими отсылками – либо описательно интерпретируются, либо обобщаются в виде заключительной лингвоэтнической карты (см., например, карту в разделе 4).

Говоря о методике уральской топонимической школы, отметим, что выше мы назвали лишь ее фундаментальные, проверенные временем и результатами многих исследований позиции. Их строго сформулированный ряд не означает, что в рамках школы не рождаются новые идеи. Поэтому уделим внимание и тем пока не названным направлениям научного поиска, в которых, по-видимому, заключены основные импульсы развития «субстратной линии» топонимической школы Матвеева. Часть их когда-то родилась в работах самого главы школы, но реализовалась спорадически или, возможно, была «отложена до лучших времен».

По отношению к финно-угорскому топонимическому субстрату Русского Севера и смежных территорий одним из подобных направлений следует считать микрорегиональные исследования. Их значимость и потенциал, обоснованные А. К. Матвеевым [1989], заключаются в том, что в рамках микрорегионального исследования, охватывающего сравнительно небольшую территорию,⁹ возможен очень тщательный, детальный анализ всего корпуса субстратных топонимов. На этой основе исследователь получает возможность более точно и подробно реконструировать древнюю лингвоэтническую карту изучаемого микрорегиона. На сегодняшний день самим А. К. Матвеевым и его учениками выполнен целый ряд подобных работ. В них территориально «охвачены» такие зоны Русского Севера, как низовья Северной Двины [Кабинина, 1997], бассейн нижнего течения Онеги [Матвеев, 2004], Архангельское Поморье [Киришева, 2006; Кабинина, 2011]; за пределами Русского Севера – бассейн уральской реки Чусовая [Иванова, 1993], северная часть горнозаводского Урала [Смирнов, 1997]. В качестве примера итоговой лингвоэтнической карты микрорегионального исследования приведем карту, составленную для Архангельского Поморья – территории, непосредственно примыкающей к побережью Белого моря [Кабинина, 2011, 310].

9 Микрорегион в понимании уральской школы – сравнительно небольшая территория, обладающая географической и историко-культурной целостностью. Это может быть, например, бассейн того или иного водоема, междуречье, административный район, гнездо деревень и даже отдельный населенный пункт.

Другим сравнительно новым направлением внутреннего развития уральской школы является осмысление и разработка семантико-типологических оснований этимологизации субстратных топонимов. Эта задача в целом является достаточно сложной, что обусловлено многими обстоятельствами.

Главным из них является то, что для надежной этноязыковой квалификации севернорусских субстратных топонимов необходимо их идеографическое соотнесение с топонимами собственно финно-угорских территорий. Однако, к сожалению, полная и подробная идеографическая классификация финно-угорской топонимии пока не осуществлена. Поэтому, предлагая те или иные этимологические решения для какого-либо топонима, исследователь севернорусского субстрата иногда вынужден действовать почти «вслепую», особенно в тех случаях, когда субстратный топоним отражает редкую, сугубо региональную или даже уникальную модель номинации.

Связанные с этим трудности до некоторой степени преодолеваются за счет выработанных в рамках уральской топонимической школы методов. Это, с одной стороны, метод семантического моделирования, а с другой стороны – метод анализа микросистемных топонимических отношений.

Метод семантического моделирования первоначально был предложен А. К. Матвеевым [1969; 1976]. Этот метод предназначен исключительно для исторически двуязычных территорий, подобных Русскому Северу, и основан на том, что в условиях тесных этноязыковых контактов и двуязычия должен быть достаточно выражен и своеобразный «топонимический параллелизм» – идентичность и/или сходство как высокочастотных, так и относительно редких русских и финно-угорских номинативных моделей. Поэтому одной из семантических основ этимологического анализа субстратных названий может служить идеографическая «сетка», составленная для собственно русских топонимов. Этот метод – на материале топонимии Архангельского Поморья – был тщательно проверен автором данной статьи. Он оказался достаточно эффективным, но в то же время показал, что семантическое моделирование чаще всего бессильно перед явлениями отражаемой в топонимии внутриязыковой и межъязыковой омонимии, свойственной родственным языкам, в том числе и финно-угорским [см. подробнее: Кабинина, 2011, 267–270].

Кроме того, как выяснилось, использование русской идеографической сетки не может разрешить проблемы, связанные с принципиальной «неэквивалентностью» языков: в нашем случае – русского языка и древних финно-угорских наречий Русского Севера. Это означает, что исследователь с «русским менталитетом», даже опираясь на хорошо построенную семантическую типологию родной топонимии, далеко не всегда может правильно уловить смысл, заложенный в то или иное субстратное название древними финно-угорскими номинаторами. Проблема осложняется еще и тем, что в части субстратных топооснов, по крайней мере в микротопонимии, отражены древние финно-угорские антропонимы, для которых, как и для отапеллятивных названий, сколь-либо полная типология пока не построена.

Частично – для отдельных названий – эта трудность «снимается» за счет а н а л и з а с и с т е м н ы х о т н о ш е н и й, в которых участвует топоним. Основы соответствующего метода были разработаны А. К. Матвеевым и Е. Л. Березович.

А. К. Матвеев, в частности, на множестве примеров показал, что субстратные финно-угорские топонимы Русского Севера на этапе двуязычия нередко подвергались калькированию – буквальному переводу на русский язык. При этом во многих случаях калькирование сопровождалось механизмами метонимии, т. е. приводило не к утрате исходного субстратного названия, а к образованию топонимической пары – разноязычной, но при этом внутренне связанной идентичным смыслом русской и финно-угорской топооснов (ср., например, «смежные» названия *Колкач* и *Угол* – при приб.-фин. *kolkka* ‘угол’ [Матвеев, 2004, 42]). Тем самым, внимательно изучая ближайшее русское окружение того или иного субстратного топонима, исследователь – разумеется, не всегда, а при определенном «везении» – может получить достаточно надежный семантический ключ к интерпретации интересующего его названия. Как уже отмечалось выше, именно с этой целью на экспедиционных топонимических карточках по возможности фиксируется информация о названиях, географически связанных с данным топонимом.

В несколько ином аспекте системные отношения в топонимии были исследованы Е. Л. Березович [1992; 2012], выявившей – хотя и главным образом на исконно русском материале – «перечень» наиболее частотных топонимических микросистем,¹⁰ образующихся обычно либо на основе бинарных оппозиций (*белый – черный, ближний – дальний, большой – малый*), либо на основе целых рядов семантически связанных тополексем (*березовый – осиновый – сосновый; первый – второй – третий, передний – средний – задний* и т. п.).

Как выяснилось в ходе дальнейших исследований школы, подобная системность свойственна не только исконно русской, но и субстратной топонимии Русского Севера [см.: Кабинина, 2013], что, безусловно, дает еще один семантический ключ к этимологической интерпретации части субстратных названий.¹¹ В качестве примера приведем озерную микросистему *Сомбозеро – Унаксозеро* (Архангельская область), которая на топографической карте выглядит следующим образом:

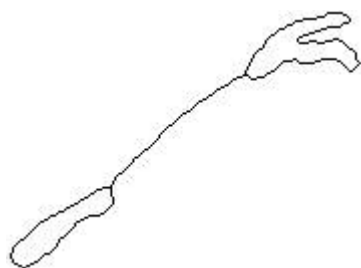
На представленном рисунке «верхний» объект носит название *Сомбозеро*, «нижний» – *Унаксозеро*; обе топоосновы, *Сомб-* и *Ун-*, встречающиеся и в дру-

10 Семантические микросистемы топонимов представляют собой пары или ряды географических названий, которые объединены разными типами отношений лексической системности; при этом смысловой связи топонимов соответствует пространственная смежность или соотнесенность географических реалий [Березович, 1992].

11 Вопрос о том, насколько широко метод анализа микросистемных отношений может применяться для субстратной (финно-угорской и иной) топонимии других российских регионов, пока остается открытым. В частности, на Русском Севере – в разных его зонах – степень микросистемности топонимов различна: она очень высока на более «северных» (архангельских) территориях, заселенных в прошлом прибалтийскими финнами и народами, близкими к саамам, но, как пока видится, гораздо ниже в более «южных» вологодских ареалах, где проживали другие финно-угорские народы. По всей вероятности, степень топонимической системности зависит от многих факторов – географического ландшафта, времени и условий освоения территории, а также от номинативных традиций осваивающих эту территорию народов.

гих топонимах Русского Севера,¹² довольно проблематичны с точки зрения их этимологической трактовки. Однако с учетом картографических данных, фактора системности и, в частности, того, что во многих других севернорусских микросистемах ярко выражена оппозиция «круглый» – «длинный»,¹³ топоосновы *Сомб-* и *Ун-* возможно достаточно уверенно связывать с приб.-фин. *sompa* ‘кольцо лыжной палки; обруч для крепления грузил невода’ [SSA, 3, 198] (в топонимии – метафорическое обозначение округлой формы объекта) и саам. *vuona*, *viõnn*, *vünn* ‘узкий и длинный залив (моря, озера)’; саам. > фин. *vuono* ‘то же’ [YS, 154; KKLS, 788; SSA, 3, 474].¹⁴

Своеобразным продолжением подобных «микросистемных» наблюдений является то, что в топонимии Русского Севера нередко фиксируются двучленные семантические оппозиции, образованные русским и финно-угорским названиями, которые связаны не отношениями калькирования, ведущими к идентичности топонимии, а отношениями «узкой» парадигматической соотнесенности. В качестве примера приведем две севернорусские озерные микросистемы, которые, будучи внутренне разноязычными, отражают общий тип номинации объектов – по их форме.

Микросистема
Вироозеро – Долгое

Микросистема
Вироозеро – Длинное

- 12 Топооснова *Сомб-* (на территориях карельского освоения также *Шомб-*) фигурирует в нескольких названиях севернорусских озер; основа *Ун-* – в названиях заливов *Уна* и *Уне-жма*, озера *Унозеро*. Компонент *-акс-* в приведенном нами примере (*Ун/акс/озеро*) является регулярным топонимическим морфемой, соотносимым в прибалтийско-финских языках с одним из суффиксов латива.
- 13 Вероятно, бинарные топонимические оппозиции, образуемые на основе лексем со значениями ‘круглый’ и ‘длинный’, представляют собой одну из универсалий высокого порядка, о чем свидетельствуют данные многих исследований [см.: Березович, 1992; Макарова, 2012; Муллонен, 2012а; Кабинина, 2013; и др.].
- 14 В данном случае, как и в других подобных примерах, нас не должно смущать различие языков-источников – прибалтийско-финского и саамского, поскольку, по-видимому, формирование многих семантических микросистем на Русском Севере происходило еще в «дорусскую» эпоху, в процессе взаимодействия различных финно-угорских языков.

На приведенных рисунках синонимичными русскими лексемами *длинный* и *долгий* названы озера вытянутой формы. Их соседями в обоих случаях являются озера, названия которых включают субстратную основу *Vup-*, причем подобное соседство наблюдается не только в этих двух примерах (мы просто выбрали их для иллюстрации), но и в ряде других – на Русском Севере, а также в Карелии [см.: Кабинина, 2013, 70].

Подобная устойчивая соотнесенность вряд ли может считаться случайной и позволяет – с опорой на картографический облик озер – толковать субстратную топоному *Vup-* на основе карел. *vierä, viärä, veärä* ‘кривой, изогнутый’ (о высокой частотности топонимической оппозиции «длинный» – «кривой» см. [Кабинина, 2013, 62]). Заметим, что такая трактовка, в нашем случае во многом основанная на анализе микросистемных отношений, находится в отношениях взаимной аргументации с этимологией, предложенной И. И. Муллонен для карельского исторического названия *Вирозеро* (ныне *Вырозеро*) [см.: Муллонен, 2008, 70]. Это тем более значимо, что финно-угорская топонима *Vup-*, долгое время считавшаяся загадочной, с чисто «словарных» позиций может толковаться и иначе.

Таким образом, метод анализа микросистемных отношений следует считать перспективным и – при дальнейшем углубленном изучении субстратной топонимии Русского Севера – способным привести к прояснению этимологии многих названий финно-угорского происхождения.

Завершая данный раздел, отметим, что работа уральской топонимической школы долгое время осуществлялась и продолжает осуществляться в тесном сотрудничестве как с другими научными центрами, так и с отдельными исследователями, которых интересует финно-угорский топонимический субстрат.

С точки зрения научно-методических позиций уральской школе в наибольшей степени «родственна» петрозаводская топонимическая школа, сложившаяся в 1980-е годы. Основным объектом ее исследований являются собственно карельская и вепсская топонимия, а также субстратная (саамская и иная) топонимия Карелии. Поскольку карелы, вепсы, саамы в прошлом составляли значительную часть населения Русского Севера, исследования петрозаводских коллег оказывают многолетнюю существенную поддержку работе уральской школы. С опытом карельских исследователей читатель может познакомиться по монографиям и статьям возглавляющей школу И. И. Муллонен [см., например: Муллонен, 1994; 2002; 2008; 2012б; и др.], а также ее коллег и учеников [см.: Мамонтова, 1982; Кузьмин, 2003; 2008; Карлова, 2007; Захарова, 2008; и др.].

Значительный вклад в изучение финно-угорского топонимического субстрата Русского Севера внесли исследователи, работающие самостоятельно, вне рамок каких-либо школ: А. Л. Шилов [1996; 1999; 2003; и др.], Я. Саарикиви [Saarikivi, 2006], Е. А. Хелимский [2006].

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ ДАННЫХ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

В предшествующих разделах, говоря о севернорусском топонимическом субстрате, мы коснулись главным образом сущности и особенностей методики его исследования. Это не случайно, поскольку топонимастика – в целом относительно молодая наука, и богатейший методический опыт уральской школы – с теми или иными модификациями – может использоваться коллегами-топонимистами в будущих исследованиях. Кроме того, без столь пристального внимания именно к методике читателю вряд ли была бы понятна основа тех выводов, которые касаются как реконструкции древней лингвоэтнической карты Русского Севера, так и некоторых проблем, связанных с древней генеалогией финно-угорских языков.

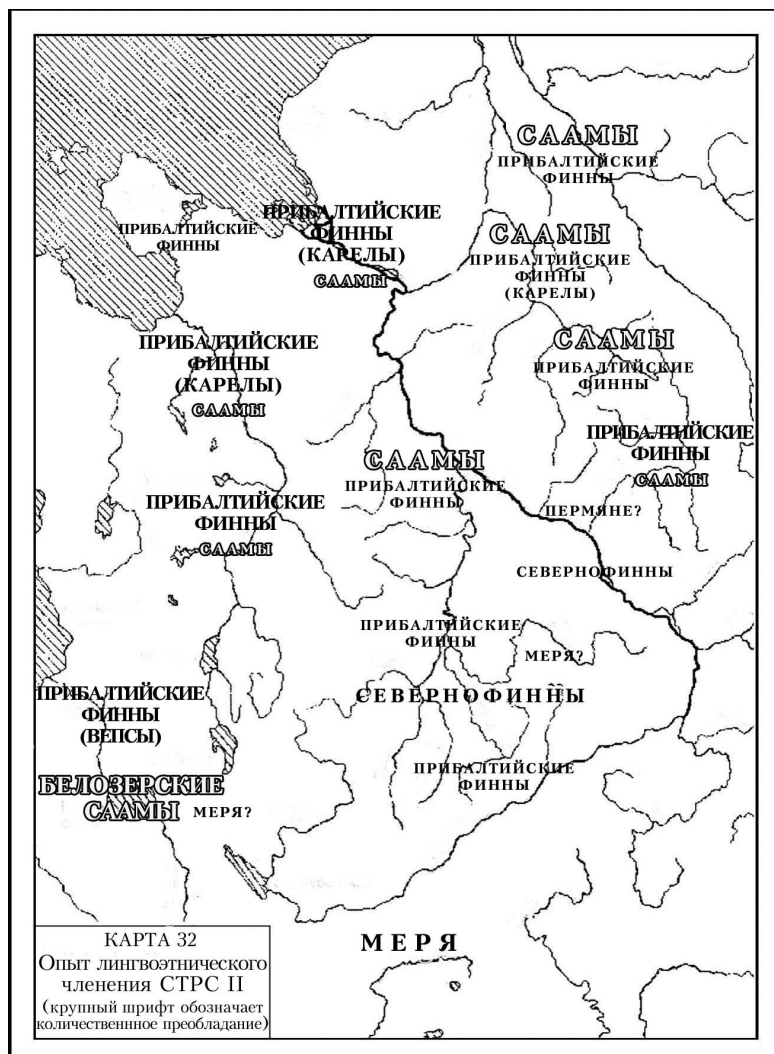
В представлении этих выводов автор не претендует на оригинальность, поскольку обобщающие исследования уже написаны и опубликованы – они принадлежат А. К. Матвееву [2004] и В. В. Напольских [2007].

Если, опираясь на эти работы, попытаться кратко изложить корпус основных результатов, то они заключаются в следующем.

1) В период, предшествующий обрусению древнего финно-угорского населения Русского Севера, наибольшая его часть, тяготеющая к северу и западу, была заселена прибалтийскими финнами и народами, близкими к саамам. В то же время в южной и юго-восточной частях региона проживали народы иных групп – меря и «севернофинны», родственные современным волжским финнам. Некоторые восточные участки Русского Севера хранят возможные следы былого пребывания древнепермского населения – см. ниже составленную А. К. Матвеевым лингвоэтническую карту [Матвеев, 2004, 330]:

2) Соглашаясь как с А. К. Матвеевым, так и с В. В. Напольских, следует подчеркнуть, что данная карта иллюстрирует главным образом «верхний» субстратный топонимический пласт и, соответственно, отражает сравнительно недавнюю, соотносимую с последним тысячелетием, картину расселения финно-угорских народов. И хотя в некоторых случаях исследователям удается доказательно выявлять факты субсубстратного характера, построение надежной, целостной стратиграфической карты Русского Севера, отражающей более глубокую древность, пока не представляется возможным. Для отдельных зон региона в высокой степени проблематично и разграничение «синхронных» топонимов, созданных носителями близкородственных языков – например, финского и карельского, карельского и вепского.

3) Ряд дискуссионных моментов, сопровождающих представленную лингвоэтническую карту, связан с некоторой условностью отдельных этнических именовании. Так, по-видимому, не совсем точным для части древнего финно-угорского населения Русского Севера является название *саамы*, поскольку, по все более укрепляющемуся мнению исследователей, севернорусские «саамы» вряд ли были прямыми предками современных саамов, на что указывает, в частности, более архаичное по сравнению с собственно саамским языком состояние «саам-

ских» диалектов Русского Севера. Чтобы разрешить эту проблему хотя бы терминологически, в современных исследованиях, касающихся Русского Севера и смежных территорий, все чаще используются определения *парасаамский* и/или *древнесаамский*.

4) Наконец, объективно обусловленным ограничением итоговой лингвоэтнической карты Русского Севера является то, что на ней невозможно представить те древние финно-угорские этнические группы, от которых остались слишком слабые или размытые временем топонимические следы. В том, что такие группы существовали, убеждены почти все исследователи, и полемика о «вымерших»

финно-угорских наречиях Русского Севера не затухает уже более полутора столетий. Впрочем, ситуация подобных «белых пятен» неизбежна практически для любого региона, имеющего достаточно древнюю историю освоения.

5) Что касается иных генеалогических вопросов, связанных с семьей финно-угорских языков, то данные севернорусской субстратной топонимии широко привлекаются для решения двух проблем – в топонимической литературе они обычно обозначаются как «саамская проблема» и «мерянская проблема». Связанные с ними дискуссии, ведущиеся уже несколько десятилетий как в России, так и в других странах, настолько жарки, многосторонни и глубоки – и при этом далеки от завершения – что для знакомства с ними представляется наиболее разумным отослать читателя к нескольким «специальным» аналитическим работам [см.: Хелимский, 2000; Матвеев, 2004; 2007; 2015; Напольских, 2007].

Сокращения

карел.	карельский язык
приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
саам.	саамский язык
фин.	финский язык

Литература

- АЛАБУГИНА, Ю. В. (1989) *Календарные имена в топонимии Русского Севера*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- АТРОШЕНКО, О. В. (2012) *Русская народная хрононимия*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- АТРОШЕНКО, О. В., КРИВОЩАПОВА, Ю. А., ОСИПОВА, К. В. (2015) *Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь*/под ред. Е. Л. Березович. Москва: Аст-Пресс.
- БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л. (1992) *Семантические микросистемы в русской топонимии*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л. (2012) «О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции в топонимии/*Материалы.*» II *Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология». Часть I*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 69–71.
- Вброд через реку времени: 50 лет Топонимической экспедиции Уральского университета* (2011). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- ВОРОНЦОВА, Ю. Б. (2002) *Коллективные прозвища в русских говорах*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.

- ВОРОНЦОВА, Ю. Б. (2011) *Словарь коллективных прозвищ: who is who по-русски*. Москва: Аст-Пресс.
- ГОРЯЕВ, С. О. (1999) *Номинативные интенции субъекта ономастической номинации: на материале русских прагмонимов*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- ЕВРОПЕУС, Д. П. (1868) «К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян.» *Журнал Министерства народного просвещения, том 139*, июль.
- ЕВРОПЕУС, Д. П. (1874) *Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей*. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- ЗАХАРОВА, Е. В. (2008) «Прибалтийско-финский субстрат в топонимии Колодозерья.» *Вопросы ономастики № 6*, 64–74.
- ИВАНОВА, Е. Э. (1993) *Топонимия среднего течения реки Чусовой*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- КАБИНИНА, Н. В. (1997) *Топонимия дельты Северной Двины*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- КАБИНИНА, Н. В. (2011) *Субстратная топонимия Архангельского Поморья*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- КАБИНИНА, Н. В. (2012) «Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Архангельского Поморья.» В: М. Э. Рут (ред.), *Язык и прошлое народа. Сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки РФ, профессора А. К. Матвеева*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 123–134.
- КАБИНИНА, Н. В. (2013) «Народная топонимическая геометрия (на материале названий озер Архангельской области).» *Вопросы ономастики № 2 (15)*, 60–90.
- КАРЛОВА, О. Л. (2007) «Ареальная дистрибуция -L-овой топонимической модели на территории Карелии.» *Вопросы ономастики № 4*, 34–44.
- КИРИШЕВА, Т. И. (2006) *Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- КРЕСТИНИН, В. В. (1790) *Начертание истории города Холмогор*. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- КУЗЬМИН, Д. В. (2003) *Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии*. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск.
- КУЗЬМИН, Д. В. (2008) «К вопросу об освоении Беломорской Карелии западнофинским населением (по данным топонимии).» *Вопросы ономастики № 6*, 47–57.
- МАКАРОВА, А. А. (2012) *Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- МАМОНТОВА, Н. Н. (1982) *Структурно-семантические типы микротопонимии ливви-ковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район)*. Петрозаводск: Издательство Карелия.

- МАТВЕЕВ, А. К. (1969) «Значение принципа семантической мотивированности при этимологизации субстратных топонимов.» *Этимология 1967: сборник научных трудов*. Москва, Наука, 192 – 200.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1976) «Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем.» *Вопросы языкознания № 3*, 58–73.
- МАТВЕЕВ, А. К. (1989) «Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования.» *Вопросы языкознания № 1*, 77–85.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2001) *Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2004) *Субстратная топонимия Русского Севера. Часть II*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2007) «К проблеме классификации языков субстратной топонимии Русского Севера.» *Вопросы ономастики № 4*, 14–27.
- МАТВЕЕВ, А. К. (2015) *Субстратная топонимия Русского Севера. Часть IV. Топонимия мерянского типа* (науч. ред. О. В. Смирнов). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (1994) *Очерки вепсской топонимии*. СПб.: Наука.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (2002) *Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования*. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (2008) *Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (2012а) «Топонимические исследования в Карелии.» Устный доклад на семинаре кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета. Екатеринбург.
- МУЛЛОНЕН, И. И. (2012б) «Применение ГИС-технологий в топонимике.» В: *Материалы II Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»*. Часть I. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 124–125.
- НАПОЛЬСКИХ, В. В. (2007) «К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке.» *Арт № 4*, 88–127.
- ПВЛ – *Повесть временных лет* (в данной статье приведен ее фрагмент из Летописи по Лаврентьевскому списку, <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/lavr01.htm>)
- ПОПОВ, А. И. (1947) *Из истории финно-угорских народностей. Часть I*. Дис. ... докт. ист. наук. Ленинград.
- ПОПОВ, А. И. (1948) «Топонимика Белозерского края.» *Ученые записки Ленинградского университета № 105. Серия востоковедческих наук, выпуск 2. Советское финно-угроведение*. Ленинград.
- ПОПОВ, А. И. (1965) *Географические названия (введение в топонимику)*. Москва – Ленинград: Наука.
- ПОПОВА, Э. Ю. (1999) *Этнонимия Русского Севера*. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.

- РУТ, М. Э. (1990) *Звезды рассказывают о земле*. Свердловск: Издательство Уральского университета.
- РУТ, М. Э. (2010) *Словарь астрономов: звездное небо по-русски*. Москва: Аст-Пресс.
- СМИРНОВ, О. В. (1997) *Русская топонимия северной части горнозаводского Урала*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- «Список научных трудов А. К. Матвеева» (2012) *Вопросы ономастики* № 1 (12), 164–183.
- ХЕЛИМСКИЙ, Е. А. (2000) *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. Москва: «Языки русской культуры».
- ХЕЛИМСКИЙ, Е. А. (2006) «Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие.» *Вопросы ономастики* № 3, 38–51.
- ШИЛОВ, А. Л. (1996) *Чудские мотивы в древнерусской топонимии*. Москва: Реформ-Пресс.
- ШИЛОВ, А. Л. (1999) *Заметки по исторической топонимике Русского Севера*. Москва: Издательство «Наука и техника».
- ШИЛОВ, А. Л. (2003) «Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера).» *Вопросы языкознания* № 1, 109–118.
- CASTRÉN, M. A. (1862) «Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud.» *Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII*. SPb.
- KALIMA, J. (1919) «Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen.» *MSFOu.*, XLIV. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.
- KALIMA, J. (1935) «Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavische Beziehungen. Zu dem westfinnischen geographischen Namen in Rußland.» *Zeitschrift für slavische Philologie. Band XII. Doppelheft 1/2*. Leipzig.
- KALIMA, J. (1944) «Einige russische Ortsnamentypen.» *FUF XXVIII*. 1–3. Helsinki.
- KALIMA, J. (1946) «Über die Erforschung russischen Ortsnamen fremden Ursprung.» *Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1945*. Helsinki.
- KKLS (1958) – ITKONEN, T. *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- SAARIKIVI, J. (2006) *Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects*. Tartu: Tartu University Press.
- SJÖGREN, J. A. (1861) «Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch.» *Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-etnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. VII*. SPb.
- SSA (1992–2000) – ITKONEN, E. (ред.) *Suomen sanojen alkuperä. 1–3*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- VASMER, M. (1934) «Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern.» *SPAV. Phil.-hist. Klasse, XVIII*. Berlin.
- VASMER, M. (1935) «Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen.» *SPAV. Phil.-hist. Klasse, XIX*. Berlin.

- VASMER, M. (1936) «Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland.» *SPAV. Phil.-hist. Klasse*, XX. Berlin.
- VASMER, M. (1941) «Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung.» *Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Heft 5*. Berlin.
- YS (1989) – LEHTIRANTA, J. *Yhteissaamelainen sanasto*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Аннотация

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО СУБСТРАТА НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье освещается ряд наиболее значимых вопросов, связанных с изучением богатейшего финно-угорского наследия, представленного в субстратной топонимии Русского Севера – территории, включающей ныне Архангельскую и Вологодскую области России. Автором даны краткий обзор почти двухсотлетней истории этого изучения и подробная характеристика современного состояния исследований. Основное внимание уделено методике этих исследований, сложившейся в рамках уральской топонимической школы, которая – в кругу других российских сообществ, занимающихся проблемами исторической топониматики – является самым крупным и наиболее авторитетным научным центром. При этом в статье охарактеризованы, с одной стороны, глубоко традиционные, проверенные временем и результатами многих исследований методические позиции школы, а с другой стороны – некоторые относительно новые методы, находящиеся в стадии разработки и апробации: в частности, метод семантического моделирования и метод анализа микросистемных топонимических отношений. В статье приводятся примеры лингвистических карт, иллюстрирующих результаты работы представителей уральской топонимической школы, а также схематичные рисунки, связанные с применением метода анализа микросистемных отношений в топонимии. Одна из представленных карт отражает лингвоэтническое членение всей территории Русского Севера на период, непосредственно предшествующий полному обрусению финно-угорского населения. В заключительном разделе статьи автором представлен обобщенный обзор научных результатов, к которым привели топонимические исследования, посвященные Русскому Северу. При этом подчеркивается, что этноязыковая картина, выявленная для этого региона на сегодняшний день, хронологически соотносима лишь с последним тысячелетием, тогда как более древняя картина пока не поддается реконструкции.

Ключевые слова: Русский Север, топонимия, финно-угорский субстрат, лингвоэтническая карта, уральская топонимическая школа

Abstract
PROBLEMS IN THE STUDY OF THE FINNO-UGRIC SUBSTRATE TO-
PONYMY OF THE RUSSIAN NORTH

The article highlights some of the most important issues related to the study of the rich heritage represented in the Finno-Ugric substrate toponymy of the Russian North – the territory including modern Arkhangelsk and Vologda regions of Russia. The author gives an overview of the almost two-hundred-year history of studies on the subject as well as a detailed description of the current state of research. Emphasis is placed on the research method developed by the Ural toponymic school, which – among other Russian communities dealing with historical toponymy – is the largest and most authoritative research centre. While the article uses the traditional, time-tested methodical positions of the scientific school which have been verified by the results of numerous studies, it also presents some relatively new techniques which are currently being developed and tested: in particular, the method of semantic modelling and the method of toponymic microsystem relations' analysis. The article gives examples of linguistic maps illustrating the research results of the Ural toponymic school's representatives and schematic drawings associated with the application of toponymic microsystem relations' analysis. One of the maps shows the ethno-linguistic division of the whole Russian North during the period which immediately preceded the complete Russification of Finno-Ugric population. In the final section of the article the author presents a generalized overview of the research results of the toponymic studies on the Russian North. It is emphasized that the linguo-ethnic picture identified for the region up to the present moment chronologically correlates only with the last millennium, since the more ancient position cannot yet be reconstructed.

Keywords: Russian North, toponymy, Finno-Ugric substrate, ethno-linguistic map, Ural toponymic school

Povzetek
PROBLEMI PROUČEVANJA UGRO-FINSKEGA TOPONIMIČNEGA
SUBSTRATA NA OZEMLJU RUSKEGA SEVERA

V članku je prikazana vrsta najbolj relevantnih vprašanj, povezanih s proučevanjem navdse bogate ugro-finske dediščine, izpričane v substratni toponimiji Ruskega Severa – ozemlja, ki danes obsega Arhangelsko in Vologodsko oblast Rusije. Avtorica podaja kratek pregled skoraj dvestoletne zgodovine tega proučevanja in podrobno oznako sodobnega stanja raziskav. Glavna pozornost je namenjena metodiki teh raziskav, ki se je izoblikovala v okviru uralske toponimične šole. Slednja je – v krogu drugih ruskih raziskovalnih skupin, ki se ukvarjajo z vprašanji historične toponomastike – največje in najuglednejše znanstveno središče. V članku je podana oznaka, na eni strani, globoko tradicionalnih metodoloških stališč šole, preizkušenih z rezultati številnih raziskav, na drugi strani pa nekaterih razmeroma novih metod, ki so še v stanju razvijanja in preizkušanja,

kot je metoda semantičnega modeliranja in metoda analize mikrosistemskih toponimičnih razmerij. V članku se navajajo primeri lingvističnih kart, ki ponazarjajo rezultate dela predstavnikov uralske toponimične šole, pa tudi shematične risbe, povezane z uporabo metode analize mikrosistemskih razmerij v toponimiji. Ena od predstavljenih kart prikazuje lingvoetnično členitev celotnega ozemlja Ruskega Severa v obdobju tik pred popolnim porusenjem ugro-finskega prebivalstva. V sklepnem delu članka avtorica predstavlja posplošen pregled znanstvenih rezultatov toponimičnih raziskav Ruskega Severa. Pri tem se poudarja, da je etnojezikovna slika, ugotovljena za to območje, kronološko vezana le na zadnje tisočletje, medtem ko starejše faze za zdaj ni mogoče rekonstruirati.

Ključne besede: Ruski Sever, toponimija, ugro-finski substrat, lingvoetnična karta, uralska toponimična šola